Фатеева Анастасия Сергеевна

ВАРИАНТЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ В ФЕНОМЕНЕ МИФА

В статье обозначены несколько вероятных подходов к пониманию феномена мифа в культуре, что представляется особенно актуальным ввиду распространенности, но в то же время дискретности и размытости самого понятия в современном гуманитарном знании. Вера, познание, творчество, жизнь и идеология рассматриваются в данной работе в ракурсе онтологических и гносеологических оснований мифа. Прослеживается движение мифологического сознания от всеобъемлющей первичной реальности к формам рефлексии о мифе, философской и художественной, а также к мифу как идеологическому механизму и индикатору социокультурного фона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 188-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

COREFERENCE OF SIGNS OF ATTENTION

Schastlivtsev Aleksandr Nikolaevich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Branch) in Tambov
a.alter2010@yandex.ru

The relationship of the signs of attention with themselves forms coreferences necessary for transmitting and understanding sense. As a result only individual sense is always comprehended. Thus consciousness is formed as ability to understand. In the context of understanding the exchange of the signs of attention can't be equivalent. In the article the structure of coreference relation is analyzed. The coreferent correlation of the uncertainties of sense expression is examined.

Key words and phrases: sign; coreference; meaning; sense; expression; consciousness; attention; interpretation; reperception; time; space.

УДК 130.2
Философские науки

В статье обозначены несколько вероятных подходов к пониманию феномена мифа в культуре, что представляется особенно актуальным ввиду распространенности, но в то же время дискретности и размытости самого понятия в современном гуманитарном знании. Вера, познание, творчество, жизнь и идеология рассматриваются в данной работе в ракурсе онтологических и гносеологических оснований мифа. Прослеживается движение мифологического сознания от всеобъемлющей первичной реальности к формам рефлексии о мифе, философской и художественной, а также к мифу как идеологическому механизму и индикатору социокультурного фона.

Ключевые слова и фразы: миф; мифологическое сознание; вера; социология мифа; мифотворчество; бытие мифа; гносеология мифа.

Фатеева Анастасия Сергеевна
Московский государственный лингвистический университет
fateevaas@yandex.ru

ВАРИАНТЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ В ФЕНОМЕНЕ МИФА©

Особое значение различных аспектов теории мифа в научной мысли со второй половины XX в. до современного состояния данного вопроса вряд ли нуждается в подробных доказательствах: слишком велико число дисциплин и авторов, внесших свой вклад в постижение и развитие проблемы. Исследования, ориентированные на приближение к мифопоэтическому видению как к объекту высокого уровня обобщения и, соответственно, центральному умозрительному конструкту [6-9], обычно так или иначе вплетены в канву диалектического постижения самого явления *мифа*. Многогранность и незавершенность этого понятия при широкой амплитуде абстрагирования фактичекски гарантируют неисчерпаемость материала. Еще в прошлом столетии явно обозначились междисциплинарные свойства проблемы; сегодня над традиционными антропологическим, филологическим, символическо-теистическим подходами преобладают социально-политический, наиболее очевидно отвечающий вопросам актуализации [3-5; 18; 19], психологический и культурфилософский, отталкивающиеся, как правило, от пересмотра совокупности мифогенетических и мифологических концепций XIX-XX вв., а также рефлексии о неомифологическом творчестве, новых формах и воплощениях мифа. Последние представляются крайне разнообразными [10; 15; 17; 21; 24; 25; 28-30], отчего вовсе не удивительно, что аспекты мифа и миф как феномен культуры в современном научном дискурсе остаются областью полемического напряжения. Призрак мифа видится повсюду, «мифический» корень извлекается из любого явления, но квинтэссенция мифа в столь мифологизированном контексте, скорее, напротив, ускользает. Возможность ее поиска в рамках одной статьи существенно ограничена, по сему постараемся последовательно сформулировать вероятные подходы к мифу и остановимся лишь на тех положениях универсального толка, прояснение которых мыслится неизбежным.

Между первичным мифологическим мышлением, непреходящим мифотворчеством и неомифологизмом лежит едва ли реалистично преодолимый путь развития некой совокупности психологических и культурных наслоений. В опыте ретроспективного путешествия этот путь трудно недооценить, и, тем не менее, принципиальное различие между мифом-наследием (архаичным феноменом) и мифом единовременным (мифологизмом современного сознания) гораздо чаще принято нивелировать, т.к. оба эти явления обнаруживают ряд общих, будто бы одноприродных черт: «конкретно-чувственное и персональное выражение абстракций, символизм, идеализация "раннего" времени как "золотого века" и настойчивое предположение смысла и целесообразной направленности всего происходящего» [16, с. 421] – все это в известной степени оправдывает извлечение мифа из мира наших дней, из поэтического, политического и идеологического мышления (Р. Барт, Е. М. Мелетинский, М. Элиаде и др.). Так, в череде не столь давних исторических событий (точнее в особенности их подачи и восприятии, тоже в достаточной мере мифологизированных) угадываются сценарии

© Фатеева А. С., 2015

древних мифов, архетипные потребности, модели поведения, и, наконец, мифотворчество становится аналогией *мифожизни*. В частности, в различных вариациях подробно описанный Дж. Фрэзером миф об «умерщвлении бога» параллельно с ритуальной практикой «искупления чужих грехов» в данной связи вовсе не чужд изучаемым культурным контекстам. Будь то игра в мифологию или мифология, играющая нашим сознанием, но история XX века многократно переживает заново, воскрешает стратегию классических мифов и коллективного обрядового действа. Культ личности вождя, «замещающего» Бога, «заклание Бога» во имя возрождения и продолжения цикла – эти мотивы, уходящие корнями в общую схему первобытных верований, объединяют русскую культуру с прошлым Апеннинского полуострова: «Практика умерщвления человека, выбранного на роль Сатурна во время празднования Сатурналий, была распространена в Древнем Риме до 265 г. до н.э., когда римские власти наложили запрет на этот варварский обычай, однако, память о нем передавалась крестьянами из поколения в поколение, что приводило временами к его рецидивам. Тот же обряд воплощался уже итальянским карнавалом, когда “шута” после его славного правления “расстреливали”, “сжигали” или предавали какой-нибудь другой “казни”» [26, с. 617].

Однако далеко не всеми исследователями положение о мифологическом «родстве» безоговорочно принимается, что ясно, например, из хода рассуждений М. И. Стеблина-Каменского: «Когда объясняли возникновение мифов теми или иными психологическими факторами, то, как правило, подразумевали, что у создателей мифов была та же психология, что у современного человека. Но *почему же тогда мифы возникали у всех народов только в древнейшие времена?* Очевидно, их возникновение должно быть объяснено особыми психологическими условиями, *существовавшими тогда* (*курсив наш – А. Ф.*)» [23, с. 241]. Действительно, не имея намерения ниспровергать объект «мифологов современности», позволим себе задаться вопросом: достоверно ли, что миф как онтологическое порождение во все времена есть суть неизменно одного порядка? Ответ на этот вопрос начинается с подхода к *сознанию* – главному мосту, соединяющему философию и психологию. Допускает ли сам факт субъектности сознания познание мифологического мировосприятия в его первичной форме? Иными словами, можно ли ведать доподлинно, как тысячелетия назад люди мыслили миф, как жили мифом? Определяя сознание материалистически или с позиций чистой психологии, здесь нельзя продвинуться дальше уровня гипотез уже хотя бы потому, что «психология мертвых» вряд ли покажется серьезным научным направлением. Очевиден и другой немаловажный аспект: миф, приходящий в наше видение вместе с каждой вещью (то, что А. Ф. Лосев обозначал как «мифологическую отрешенность» [12, с. 104]), вероятно, предстает целостной категорией лишь в бессознательном. В сознании же миф остается *μῦθος*, т.е. «сказанием» с недосказанностью. Для полноты знания не хватает соединения мифа с ритуалом. *Недостаточность слова* в мифе – главный предел в переживании его чуда. Ведь и сами творцы мифов лишь отчасти охватывают логически-смысловую сущность творимого, они исходят из веры [11, с. 20; 12, с. 39]. Эта категория в мифе предстает в уникальной синкретичной форме *знания очевидности*. Эта линия присутствует и в религиозной, и в научной форме веры. Притом что, безусловно, следует отличать одну от другой. Религиозная вера фактически отрицает знание: ей достаточно одной веры, и эта вера догматическая. Однако тексты Священных книг в мифологической форме демонстрируют, что для утверждения религии потребовалась очевидность (в частности в христианстве Воскрешение Лазаря, Уверение Фомы и др.). Присутствуют в религиозной вере и мифологический синкретизм, и неразрывная связь с ритуалом: «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2: 26). Научная вера, в отличие от веры Августина, в своей данности никогда не может быть абсурдна, ибо даже в области бездоказательного основана на постоянном пересмотре знания. Так, в смене научных парадигм вера может стать знанием, затем знание окажется ложным, на смену ему придет другая вера, а при достаточном обосновании – и другое знание. Вера в мифе есть само непреходящее знание, *гносеологическая неподвижность*. А кроме веры – *действие и действительность, телесность и вещность* – подлинные основания мифа. «Абсолютная мифология, – писал А. Ф. Лосев, – положит в свою основу материю и идею как два совершенно равноправных принципа <…> абсолютно слитых в один неразличимый принцип» [12, с. 257]. Тут же, исключительно в *идеальности* этих оснований для «слушающего», т.е. неполной форме восприятия, предположительно скрывается объяснение расхожего обыденного понимания мифа как небылицы, инобытия.

Нет необходимости стремиться к широкому, всепроникающему толкованию мифа. Напротив, принципиально важно обозначить полисемичность понятия и своеобразную иерархию внутри него. Прежде всего выделим: 1) миф как абсолютную реальность личностного мифологического познания в традиционных обществах, неявленную нам в совершенной реальности ввиду фактора времени. Как известно, все формы современного познания так или иначе нацелены на преодоление фактора времени, и в этом стремлении 2) миф становится объектом философского (научного) познания, т.е. рождается «научный миф» о мифе или философия мифа. Затем 3) наиболее подверженное мифологизации художественное познание дает свое видение первоистории, сверхчувственную попытку реабилитации мифа. Наконец, 4) мифологическое может проникать в массовую культуру – под личиной мифа выступает идеология. Так, из древней сакральной тайны миф оборачивается смешанной совокупностью текстов, которые растворяются в нашем восприятии самого феномена. Должно признать, что представленное выше деление в сознании текущей эпохи практически не может быть явлено в чистом виде. Не была эта схема безупречной и в минувшем столетии. Впрочем, именно XX век впервые ставит вопрос о социологии мифа [13, с. 22], знаменуя этап рефлексии дорефлексивной формы чувственного общения человека с миром [Там же, с. 70]. Казалось бы, очевидно, что основное внимание в таковом повороте должна стянуть на себя та субстанция мифа, которую выше мы обозначили последней. Однако существует опасность смешения явлений разного толка: далеко не всегда маркированность «мифом» имеет дело с подлинной стихией мифа; последняя зачастую как мифологическая и не признается, да и не кажется

таковой. Мифологическая реальность современности – пока далеко не познанный феномен, а главное – трудно высвобождаемый из сонма живой рациональности: «Реальное бытие есть разная степень мифичности и чудесности» [12, с. 229]. Другое дело – «творение мифов» в пространстве повседневности. У нас нет никаких оснований утверждать, что оно происходит по тем же принципам, что имели место у древних. Новейшее мифотворчество разворачивается чаще как *реверсивный эвгемеризм современности*, т.е. как вполне осознанное искажение и мистификация действительности, которая в адекватном видении явно недостаточна для объема и возможностей информационных полей. На наш взгляд, здесь целесообразно выделять иную, пятую версию понимания мифа. Сознательно прикрытая гносеологическим релятивизмом как удобной методологией «всевозможности» и бессилия, она невольно убеждает в правоте слов М. Маклюэна: «Мы живем мифически, но продолжаем мыслить фрагментарно и однобоко» [14, с. 31].

Полагаем, не совсем верно говорить о том, как та или иная культура интерпретирует миф (неуловимый абстрактный конструкт сознания), ибо вряд ли из абстракции может родиться нефантазийная конкретика; куда продуктивнее кажется попытка понять, как мифологическое мышление усиливается или слабеет в смене культурных циклов, как миф овладевает эпохами, в каких культурных универсалиях акцентируется. Собственно об этом писал К. Леви-Строс: «Мы пытаемся показать не то, как люди мыслят в мифах, а то, как мифы мыслят в людях без их ведома» [11, с. 20].

Современный миф дошел до бесконтрольной размытости и дискретности, что Р. Барт «диагностировал» как *дискурсивность*, которая в сущности и положила начало смешению мифа с архетипом, симулякром, стереотипом, утопией, идеологией и др. При этом зачастую в подходе к мифу сохранялись отдельные его первичные атрибуты (вербальность, образность), но могли утратиться ключевые – *история* и *чудесность*. Так, у Р. Барта «современный миф дискретен: он высказывается не в больших повествовательных формах, а лишь в виде “дискурсов”; это не более чем фразеология, набор фраз, стереотипов» [1, с. 15]. Первичное удивление, свойственное индивидуальному сознанию, как замечает Ж. Бодрийяр, в обществе потребления сводится к коллективной программе анти-мифа, где место чуда занимает раз навсегда данная система вещей, «которая всегда и во всем будет подменять собой открытое взаимодействие природных сил, человеческих потребностей и технических средств; ее движущей силой становится официально предписанная и организованная смертность вещей – грандиозный коллективный “хэппенинг”, где в эйфории разрушительства, в ритуальном истреблении вещей и жестов социальная группа торжествует свою собственную смерть» [2, с. 110-112]. А ведь еще Платоном в уста Сократа вложено, что удивление – начало философии, а что есть удивление, как не единовременность чуду? «Самое слово “чудо” во всех языках указывает именно на этот момент удивления явившемуся и происшедшему – греч. Οαῦμα, лат. miraculum-miror, нем. Wunderbewundern, славянское чудо…» [12, с. 217]. Если же в современном толковании сопряженность мифа и истории сохраняется, то очень верно отмеченная А. Ф. Лосевым связь с личностной формой («миф есть… образ бытия личностного» [Там же, с. 108]) вытесняется нарочитой апелляцией к коллективному бессознательному, что в итоге ведет к полному слиянию мифа с самой юнговской структурой. Например, определение из Новейшего философского словаря утверждает, что миф – это «форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельным явлением реальности» [20, с. 634]; а таково определение мифа В. С. Полосина: «Миф есть иносказательная история, трактующая посредством символических образов, метафор и аналогий реальный, индуктивно обобщенный до архетипичности позитивный и негативный опыт реализации той или иной потребности общества» [22, с. 28]. Таким образом, как бы утрачивается понимание невозможности мифа без *полноты личности*, его абсолютно пограничное особое состояние, не допускающее тождественности чему бы то ни было. Миф во все времена продолжает существовать как перманентное бытие подсознательного, о чем пишет К. Хюбнер, называя миф системой мышления и опыта и всеобъемлющей первичной реальностью. Реальность мифа связана с его изложением, т.е. со словесной формой; это «архе» – форма жизни, которая, получая историческую интерпретацию, всякий раз обретает новый смысл [27, с. 131]. Как «диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще» [12, с. 35] миф начинается уже в попытке названия каждой вещи и принятия ее в круг вещей, в символическом выражении творческой энергии; как всякая идеология (если допускать, что среда ее формирования – коллективное бессознательное) рождается от исторической необходимости мифа, так всякое личное уверение начинается с подлинно мифической веры.

Список литературы

1. **Барт Р.** Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 218 с.
3. **Бренное и вечное. Образы мифа в пространствах современного мира**: материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 10-летию философского факультета Новгородского государственного ун-та имени Ярослава Мудрого (28-29 сентября 2004 г.) / отв. ред. А. П. Донченко, Г. Г. Филиппов, А. Г. Некита, С. А. Маленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. 339 с.
4. **Бренное и вечное. Политические и социокультурные сценарии современного мифа**: материалы Всероссийской науч. конф. (11-12 октября 2005 г.) / отв. ред. А. П. Донченко, А. Г. Некита, С. А. Маленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005. 267 с.
5. **Бренное и вечное. Социально-мифологические и политософские измерения идеологии в массовых обществах**: материалы Всероссийской науч. конф. (9-10 октября 2007 г.) / отв. ред. А. П. Донченко, Г. Э. Бурбулис, А. Г. Некита, С. А. Маленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. 365 с.
6. **Карлова О. А.** Миф и мифологическое сознание: гносеологические и онтологические основания: автореф. дисс. … д. филос. н. Красноярск, 2001. 43 с.

7. Карлова О. А. Миф разумный. М.: Московский писатель, 2001. 203 с.
8. Козолупенко Д. П. Миф на гранях культуры. М.: Канон+, 2005. 212 с.
9. Козолупенко Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие: монография. М.: Канон+, 2009. 430 с.
10. Костина А. В. Реклама как современная мифология // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 76-81.
11. Леви-Строс К. Мифологики: в 4-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 1. Сырое и приготовленное. 406 с.
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008. 303 с.
13. Лосев А. Ф. Предисловие к работе «Диалектика искусства» // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 22-186.
14. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
15. Маковский М. М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Ленанд, 2014. 320 с.
16. Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. 576 с.
17. Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени: чтения по истории и теории культуры / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2009. 136 с.
18. Миф и художественное сознание XX века / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2011. 686 с.
19. Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: АИРО-XX, 2000. 216 с.
20. Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 896 с.
21. Плютто П. А. Концепция аутентичного мифа и анализ социокультурных иллюзий. М.: РГГУ, 2009. 348 с.
22. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
23. Стеблин-Каменский М. И. Миф // Труды по филологии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. 928 с.
24. Судаков В. Н. Мифология воспитания: очерки теории развития и воспитания личности. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 112 с.
25. Ульяновский А. В. Мифодизайн рекламы. СПб.: Алетейя, 1995. 300 с.
26. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 767 с.
27. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
28. Чиндин И. В. Миф. Реконструкция архаической ментальности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. 164 с.
29. Чиндин И. В. Мифология культуры. Россия. 1900-1959 годы. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2011. 432 с.
30. Этинген Л. Е. Мифологическая анатомия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2009. 528 с.

VARIANTS OF ONTOLOGICAL HIERARCHY IN MYTH PHENOMENON

Fateeva Anastasiya Sergeevna
Moscow State Linguistic University
fateevaas@yandex.ru

Several possible approaches to the understanding of myth phenomenon in culture are denoted in the article, which is especially topical because of the prevalence but at the same time discontinuity and ambiguity of the notion itself in modern knowledge pertaining to the humanities. Belief, cognition, creative work, life and ideology are examined in the paper from the perspective of the ontological and gnosiological bases of myth. The movement of mythological consciousness from comprehensive primary reality to the forms of reflection about myth, philosophical and artistic ones, as well as to myth as an ideological mechanism and indicator of socio-cultural background is traced.

Key words and phrases: myth; mythological consciousness; belief; myth sociology; myth-making; myth existence; gnoseology of myth.

УДК 908
Исторические науки и археология

Статья раскрывает эволюцию правового и социального статуса секретаря духовной консистории в системе епархиального управления РПЦ синодального периода. На примере различных церковно-административных территорий проанализированы взаимоотношения архиерея как главы епархии и секретаря епархиальной духовной консистории как представителя Святейшего Синода. Особое внимание автор уделяет причинам возникновения конфликтных ситуаций во взаимоотношениях иерарха и консисторского чиновника, с одной стороны, и факторам стабильности в деятельности властных епархиальных структур, с другой стороны.

Ключевые слова и фразы: духовная консистория; секретарь консистории; епархия; архиерей; Святейший Синод; обер-прокурор; канцелярия.

Фролова Элла Владимировна, к.и.н.
Историко-краеведческий музей Ковровского района (Владимирская область)
krivoy-bor@yandex.ru

СТАТУС СЕКРЕТАРЯ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РПЦ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА©

С начала XVIII столетия православная церковь в Российской империи постепенно становится частью государственного аппарата. Первые шаги в этом направлении сделал Петр I, создав высший государственный

© Фролова Э. В., 2015